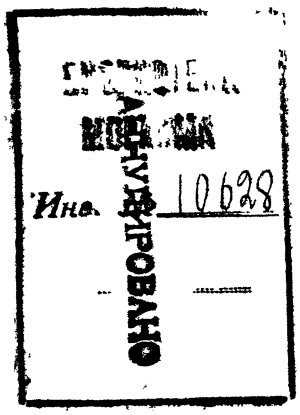
D
358

Дмитрию Николаевичу
Егорову,
на добрую память от М. Винов

ЕНЕРГИЧЕСКАЯ
МОЛОДЕЖЬ
Инв. № 10628
АНТИКВАРИРОВАНО



„Пров 38"
Библиотека ООН
Академия Наук СССР
504
38
ИНКУЛИРОВАНО
10628

Итоги XIX вѣка.

Проф. П. Г. Виноградова.

Исторія цѣлаго столѣтія, особенно XIX столѣтія, поражаетъ на первый взглядъ разнообразіемъ картинъ, сложностью явленій. Трудно уловить общія черты и разглядѣть руководящія нити. Но, присмотрѣвшись внимательнѣе, замѣчаемъ, что нѣсколько мотивовъ повторяются постоянно и что, при всемъ разнообразіи комбинацій, въ которыхъ они появляются, къ этимъ основнымъ темамъ можетъ быть сведена по существу исторія столѣтія. Мнѣ кажется, что такими главными темами въ XIX вѣкѣ были: демократизація политическаго строя, развитіе личнаго начала во всѣхъ областяхъ жизни, исканіе соціальной справедливости и переворотъ въ міросозерцаніи подъ вліяніемъ научнаго детерминизма. Въ нѣкоторыхъ странахъ тотъ или другой изъ указанныхъ процессовъ выраженъ сильнѣе, въ другихъ тотъ же процессъ намѣченъ, быть можетъ, лишь въ зачаточныхъ формахъ, но всѣ сколько-нибудь значительныя страны круга европейской цивилизаціи, руководившей въ теченіе XIX вѣка, болѣе или менѣе задѣты были этими процессами.

I.

Разрушеніе аристократическихъ формъ государственной жизни ярко выдвигается въ исторіи XIX вѣка. Подъ аристократическими формами я разумѣю въ данномъ случаѣ не только господство знатныхъ или наслѣдственныхъ землевладѣльцевъ, а всѣ виды правленія, основанные не на опредѣленно выраженномъ *довѣріи* народа, а на предполагаемомъ политическомъ *призваніи* тѣхъ или другихъ лицъ Въ этомъ смыслѣ, какъ господство немногихъ, считающихся *лучшими* людьми, такъ и единоличная власть являются формами аристократическаго правленія. Монархія, какъ самостоятельная, не зависящая отъ народа сила, заявляетъ притязаніе на особое божественное или историческое призваніе, къ руководству извѣстной страной. Въ идеалѣ оправданіе аристократическихъ формъ формулировано было еще Платономъ: его Сократъ часто возвращается къ мысли, что если нужны спеціалисты для приготовленія обуви или для корабельнаго дѣла, то еще болѣе необходимы знатоки для управленія государствомъ. Монархи и аристократы обыкновенно противополагали себя несвѣдущей и отвлеченной матеріальными заботами толпѣ въ качествѣ спеціалистовъ политическаго дѣла.

Распаденіе аристократическихъ системъ обусловлено разнаго рода причинами. Спеціалисты иногда оказывались совершенно не на высотѣ своего призванія и вмѣсто высокаго мастерства обнаруживали неподготовленность и негодность. Такіе образчики политическаго мастерства, какіе были даны Бурбонами во Франціи,

Италіи и Испаніи или восточно-европейскими имперіями въ теченіе XIX вѣка, способны были сильно поколебать вѣру въ историческое и божественное призваніе спеціалистовъ Съ другой стороны, даже при умѣломъ руководствѣ общими дѣлами аристократы нерѣдко пользовались своимъ преобладаніемъ, чтобы выгодно устраивать свои частныя дѣла, а это въ концѣ-концовъ вызывало неудовольствіе и отпоръ со стороны управляемыхъ, непривилегированныхъ классовъ. Англійская помѣщичья аристократія не свободна отъ упрека въ этомъ отношеніи: хлѣбные законы, состояніе поземельнаго права, роль господствующей церкви и т. п. вызывали сильные протесты въ средѣ непривилегированнаго населенія и приводили къ тому, что вліяніе на государственное управленіе въ значительной степени перемѣстилось въ сторону непосредственнаго воздѣйствія массъ. Наконецъ, приходится считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что спеціальная подготовка къ политической дѣятельности все менѣе и менѣе укладывается въ рамки сословій, состояній, тѣхъ или другихъ имущественныхъ группъ. Скромнымъ бюргерамъ удалось привлечь на свою сторону теоретическое руководство въ этомъ отношеніи. Какъ бы свысока ни смотрѣли природные аристократы на кабинетныя измышленія профессоровъ, на казуистику юристовъ, на денежныя спекуляціи коммерсантовъ, всѣ эти общественныя группы пріобрѣтали все большій политическій вѣсъ благодаря реальному значенію ихъ дѣятельности въ жизни страны. Университеты, юридическія корпораціи, банки представляютъ въ настоящее время величины, съ которыми трудно не считаться въ политикѣ. А затѣмъ сказывается все съ большею силою распространеніе образованія и политическаго сознанія въ широкихъ кругахъ населенія. Устная пропаганда и, въ еще большей степени, печатное слово создали новыя разновидности политическихъ спеціалистовъ. Пресса пріобрѣла колоссальную силу и пользуется ею какъ на добро, такъ и на зло, всѣми средствами возбуждая чувства и мысль въ массахъ. Прошло то время, когда можно было заглушить эту работу или подрѣзывать ее по мѣркѣ интересовъ той или другой аристократіи. Въ результатѣ нельзя не замѣтить, что участіе широкихъ круговъ населенія въ политической жизни неудержимо возрастаетъ. Конечно, въ отдѣльныхъ отрасляхъ управленія—въ войскѣ, полиціи, судахъ, учебныхъ заведеніяхъ—нельзя обойтись безъ технической подготовки завѣдующихъ и агентовъ, но надзоръ за ними и распредѣленіе между ними полномочій зависитъ болѣе и болѣе отъ довѣрія массъ. Народное довѣріе становится какъ бы движущей силой, которая, подобно пару или электричеству, передается во всѣ части политическаго механизма и въ отсутствіи которой эти части не въ состояніи произвести полезной работы.

Не вдаваясь въ подробности относительно хода демократизаціи, нельзя не отмѣтить нѣкоторыя характерныя проявленія этого процесса. Наиболѣе чувствительнымъ показателемъ степени и направленія демократизаціи можетъ служить относительное вліяніе выборной системы и независимыхъ отъ народнаго избранія властей. Франція и Соединенные Штаты безспорно представляютъ въ данномъ случаѣ наиболѣе полное осуществленіе демократіи. Въ настоящее время въ обѣихъ республикахъ всѣ государственныя учрежденія прямо или косвенно зависятъ въ своемъ составѣ отъ народнаго избранія и притомъ отъ всеобщей подачи голосовъ. Ограниченія всеобщаго избирательнаго права, практикуемыя въ нѣкоторыхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ [1]) въ видѣ устраненія без-

[1]) Въ Виргиніи, напр., изъ 150.000 взрослыхъ негровъ лишь около 25.000 пользуются избирательными правами, остальные устраняются, какъ неспособные понять постановленія конституціи.

грамотныхъ, направлены, въ сущности, противъ негровъ, которые все еще занимаютъ весьма незавидное положеніе въ Южныхъ Штатахъ. Любопытно однако, что и въ той, и въ другой странѣ вліяніе техническаго отбора находитъ себѣ характерное выраженіе. Современная Франція унаслѣдовала отъ стараго порядка традицію сложной, централизованной администраціи. Префекты и подчиненные имъ чиновники, постоянный персоналъ министерствъ, полиція и т. п. переходятъ отъ одной политической системы къ другой, образуя какъ бы желѣзный инвентарь административной машины. До сихъ поръ, послѣ почти 40-лѣтняго господства третьей республики французская бюрократія составляетъ сплоченную группу съ своеобразной дисциплиной и пріемами административнаго благоусмотрѣнія. Энергическая дѣятельность полиціи въ случаѣ уличныхъ безпорядковъ, напр., сильно отличается отъ поведенія ея въ подобныхъ случаяхъ, напр., въ Англіи. 1-го мая 1906 года подчиненные префекта Лепина согнали подъ арестъ поблизости площади Республики прохожихъ съ „русскими“ физіономіями.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ и слѣда такой бюрократической преемственности. Но значеніе „экспертовъ“ выражается въ наклонности предоставлять избраннымъ на довольно продолжительные сроки должностнымъ лицамъ очень широкія полномочія. Американцы ставятъ своихъ начальниковъ на время, обыкновенно на 4 года, съ правомъ переизбранія, которое однако почти никогда не переходитъ за второй срокъ. Но они любятъ, чтобы въ данный имъ срокъ эти начальники проявляли иниціативу и рѣшительный характеръ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, располагающій властью, непосредственно довѣренной ему народомъ, ведетъ политику въ предѣлахъ отмежеванной ему власти по своему усмотрѣнію. Чѣмъ самостоятельнѣе президентъ, чѣмъ сильнѣе личная окраска въ его управленіи, тѣмъ больше шансовъ имѣетъ онъ на популярность. Линкольнъ былъ фактически диктаторомъ во время междоусобной войны; Рузвельтъ внушаетъ уваженіе даже своимъ политическимъ противникамъ силою своей „магнетической“ личности. И то же самое повторяется на всѣхъ ступеняхъ. Губернаторы, въ родѣ Мортона въ Индіанѣ во время междоусобія, или Юза въ Нью-Іоркѣ въ настоящее время, городскіе головы (мэры) на своихъ мѣстахъ—выдвигаются не покладливостью по отношенію къ палатамъ, а самостоятельностью и рѣзкой волей. И имъ есть на чемъ проявлять ее даже помимо возможныхъ столкновеній съ палатами, потому что губернаторамъ и головамъ принадлежитъ право назначенія членовъ важнѣйшихъ исполнительныхъ комиссій, санитарныхъ, школьныхъ, дорожныхъ, по надзору за корпораціями и т. п. Конституціи отдѣльныхъ штатовъ и федеральная даютъ средство для обузданія слишкомъ строптивыхъ представителей исполнительной власти: большинство двухъ третей въ палатахъ обыкновенно имѣетъ возможность настоять на своемъ даже наперекоръ *veto* послѣднихъ, но въ общемъ поле дѣятельности лицъ, облеченныхъ исполнительной властью, очень обширно. Одну изъ самыхъ любопытныхъ разновидностей авторитета экспертовъ представляетъ власть президентовъ американскихъ университетовъ. Они избираются обыкновенно небольшими комиссіями довѣренныхъ (trustees) или попечителей (regents). Разъ онъ избранъ, президентъ становится главнымъ распорядителемъ административной и отчасти учебной части въ университетѣ, имѣетъ рѣшительный голосъ при приглашеніи профессоровъ, установленіи системъ преподаванія и т. п. Элотъ въ Гарвардѣ, Гарперъ въ Чикаго, Гильманъ въ Джонсъ-Голкинсъ (Балтиморъ) по общему мнѣнію „построили“ свои университеты.

Это строительство имѣетъ мѣсто въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ и съ обычаями преподавательской и студенческой среды, но все-таки область единоличнаго вліянія въ данномъ случаѣ очень велика и представляетъ полный контрастъ съ европейскими порядками.

Англія и Германія далеко не въ такой степени осуществили демократическія начала въ своемъ государственномъ устройствѣ, какъ Франція или Соединенные Штаты. Въ Англіи развитіе народовластія было задержано политическими подвигами аристократіи, которая создала колоніальную имперію и побѣдоносно выдержала борьбу съ Наполеоновской Франціей. На смѣну аристократіи выступило, согласно обычной англійской постепенности и системѣ компромиссовъ, господство среднихъ классовъ.

Несмотря на нѣсколько реформъ (1832, 1867, 1884 г.), избирательное право все еще далеко отъ всеобщей подачи голосовъ: активными гражданами являются главнымъ образомъ самостоятельные домохозяева. Партіи попрежнему раздѣлены на два главныхъ лагеря—либеральный и консервативный; группа, представляющая интересы рабочаго класса, растетъ, но все еще едва достигаетъ по численности одной тринадцатой части палаты общинъ. Верхняя палата, которой принадлежитъ весьма существенное участіе въ законодательной и правительственной дѣятельности, все еще имѣетъ совершенно аристократическій составъ, и лишь въ самое послѣднее время опредѣленно намѣчена ея реформа. Вліяніе должностной группы (civil service) даже усилилось въ концѣ вѣка. Она пополняется въ результатѣ строгихъ экзаменовъ; число ея членовъ и корпоративный духъ въ ихъ средѣ возросли въ связи съ дѣятельностью новыхъ центральныхъ учрежденій — управленій торговли, мѣстныхъ дѣлъ, воспитанія и т. д., а также съ развитіемъ колоніальной и индійской администраціи. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что Англія неуклонно двигается въ демократическомъ направленіи, но двигается, по доброй англійской привычкѣ, безъ скачковъ, подъ давленіемъ скорѣе практическихъ соображеній, нежели отвлеченныхъ принциповъ. Несомнѣнно, что если бы выгодныя матеріальныя условія, въ которыхъ живутъ англичане, измѣнились къ худшему, если бы наступила продолжительная эпоха нужды, въ родѣ той, которая предшествовала отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, демократическое движеніе приняло бы быстрый темпъ и обостренныя формы. Если раздраженіе, вызвавшее въ сороковыхъ годахъ чартистскую агитацію и памфлеты Карлейля, разрѣшилось мирнымъ образомъ, то Англія обязана этимъ политическому такту верхнихъ классовъ своего общества, а также могущественному развитію своей дѣловой жизни (business), открывшей выходы для недовольныхъ.

Въ Германіи общее демократическое движеніе также задержано и осложнено тѣмъ, что Прусская монархія и связанныя съ нею армія и чиновничество сослужили отечеству великую службу, которая даетъ имъ моральное право и силу отстаивать свои устарѣлыя позиціи въ государственной жизни. Контрастъ между Пруссіей съ ея классовыми выборами, вліятельнымъ юнкерствомъ, привычками военной и административной дисциплины, съ одной стороны, и Германской имперіей, съ всеобщей подачей голосовъ, несговорчивыми партіями соціалъ-демократовъ и центра—съ другой, какъ нельзя болѣе характеренъ. Особенности внѣшняго положенія Германіи не менѣе, нежели завѣты славнаго прошлаго, ручаются за то, что объединеніе разрозненныхъ элементовъ на почвѣ демократіи будетъ совершаться постепенно и въ сознаніи національныхъ задачъ.

II.

Все сказанное до сихъ поръ имѣло цѣлью не возвеличеніе или защиту демо-

кратіи, а лишь опредѣленіе ея исторической роли въ XIX вѣкѣ.

Можно не сочувствовать демократіи и тѣмъ не менѣе признавать, что она составляетъ политическій показатель современнаго процесса государственнаго развитія. Одинъ изъ самыхъ строгихъ критиковъ демократіи, Лекки, именно такъ относился къ дѣлу (Democracy and liberty 256) Токвилль, положившій начало болѣе глубокому анализу демократическаго движенія, также не принадлежалъ по своему происхожденію и культурному складу къ демократическому направленію, но ясно сознавалъ, что необходимо считаться съ духомъ времени и изучить господствующее теченіе какъ въ слабыхъ, такъ и въ сильныхъ сторонахъ его, чтобы имѣть возможность дѣйствительно вліять на людей. Говоря словами другого вожака католическаго либерализма, Монтелимбера: „Я не произвожу суда и не произношу приговора надъ старымъ порядкомъ. Я нахожу въ немъ одинъ лишь недостатокъ, но зато капитальный—онъ умеръ и не воскреснетъ никогда и нигдѣ“ (рѣчь въ Малинъ, 18 августа 1863 г.). Но, съ другой стороны, именно признаніе за демократіей преобладающаго значенія обязываетъ изучить всесторонне ея проявленія и безпощадно раскрывать ея слабыя стороны: это единственный путь, чтобы противодѣйствовать ихъ пагубному вліянію. Нашъ соотечественникъ Острогорскій въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій, посвященныхъ демократической проблемѣ, именно такъ смотритъ на дѣло (II, 625 англійскаго перевода).

Практика французскихъ, англійскихъ и американскихъ учрежденій обнаруживаетъ несомнѣнно многіе недостатки, которые объясняются не случайными и мѣстными причинами, а вытекаютъ изъ основныхъ условій народовластія. Во Франціи особенно бросаются въ глаза непрочность власти, случайность комбинацій, благодаря которымъ она возникаетъ, вліяніе личнаго честолюбія и корыстолюбія въ политической борьбѣ: демократія такъ же не свободна отъ карьеризма, какъ и ниспровергнутыя ею формы аристократическаго и бюрократическаго правленія. Съ другой стороны, естественная склонность большинства тѣснить разномыслящее меньшинство обостряется во Франціи страстностью политической борьбы и тѣмъ обстоятельствомъ, что теперешнее меньшинство еще недавно само проявляло деспотическія наклонности и слишкомъ поздно поняло, что его дѣло проиграно [1]). Только изучая исторію 50 и 60-хъ годовъ, можно понять яростное отношеніе побѣдоносныхъ республиканцевъ къ католической церкви и гоненіе, воздвигнутое на христіанство въ государственныхъ школахъ и другихъ учрежденіяхъ [2]). Какъ бы то ни было, якобинская нетерпимость такъ же жива во Франціи, какъ нетерпимость католическая, и въ настоящее время первая имѣетъ болѣе случаевъ проявлять себя, нежели вторая.

Въ Америкѣ и до нѣкоторой степени въ Англіи удобно наблюдать развитіе другихъ золъ, именно механической фабрикаціи общественнаго мнѣнія и соотвѣтствующаго упадка дѣйствительнаго гражданскаго духа. Такъ какъ народовластіе стало источникомъ политической силы и всѣхъ соединенныхъ съ нею выгодъ, то главное стремленіе людей, заинтересованныхъ въ политикѣ, направлено къ тому, чтобы захватить этотъ источникъ въ свои руки. Это достигается при обыкновенныхъ условіяхъ умѣлой организаціей партій съ беззастѣнчивымъ примѣненіемъ всѣхъ средствъ, способныхъ составить побѣду на выборахъ. Величайшаго своего развитія „машина“ достигла въ Америкѣ, гдѣ избирательная агитація во всѣхъ видахъ и степеняхъ

[1]) *Coubertin*, la France sous la III république, 276 cc.

[2]) *Lecky*, II, 80.

стала главнымъ государственнымъ дѣломъ и ведется профессіональными политиканами. Направляютъ ее небольшіе партійные комитеты и закулисные вожаки („боссы"). Программы и платформы составляются въ значительной степени въ виду того, чтобы заручиться популярными лозунгами и привлекательными для той или другой группы населенія посулами. Въ результатѣ всевозможныхъ „тактическихъ" пріемовъ очень трудно бываетъ отличить чистую монету партійныхъ мнѣній отъ фальшивой, сфабрикованной политиканами. Главныя теченія общественной жизни и крупные ея повороты, безъ сомнѣнія, все-таки опредѣляются не этими сомнительными махинаціями. Междоусобная война, современная борьба между капиталистическими корпораціями и приверженцами государственнаго контроля и т. п. не сводятся, понятное дѣло, на биржевую игру политикановъ и обнаруживаютъ скрытыя силы подлинной демократіи. Но рѣшительные порывы и сознательное вмѣшательство массъ наблюдаются лишь въ важнѣйшихъ и исключительныхъ случаяхъ. Обыденная тактика избирательнаго парламентаризма обусловлена машиннымъ производствомъ, политическою тупостью массъ и фокусами закулисныхъ заправилъ (wire pullers).

Въ прямой связи съ этими неприглядными чертами будничной дѣйствительности стоятъ эксплоатація политики для личныхъ цѣлей, казнокрадство и взяточничество. Въ федеральной политикѣ имъ соотвѣтствуетъ главнымъ образомъ такъ называемый „раздѣлъ добычи" (spoils), практикуемый со времени президентства Джаксона, т.-е. захватъ федеральныхъ должностей побѣдившей на выборахъ партіей. Въ Сенатѣ и Палатѣ депутатовъ всевозможные частные интересы и спекуляціи находятъ себѣ поддержку въ политикахъ, которые поддерживаютъ другъ друга изъ корыстныхъ или честолюбивыхъ цѣлей (los-rolling).

Чудовищныхъ размѣровъ эти злоупотребленія достигаютъ въ городской жизни. Дѣятельность союза Таммани и боссовъ Туида, Келли, Крокера и др. въ Нью-Іоркѣ, Газоваго Союза въ Филадельфіи, тредъ-юніоновъ въ С.-Франциско и безчисленныхъ организацій въ болѣе мелкихъ городахъ отмѣчена неслыханными хищеніями, для которыхъ американцы выработали даже спеціальный терминъ—graft. Постройка зданія судебныхъ установленій въ Нью-Іоркѣ обошлась въ 12 милліоновъ долларовъ вмѣсто 250,000, ассигнованныхъ по смѣтѣ, и не мудрено, такъ какъ за каждое судейское кресло платилось по 400 долларовъ (800 р.). С.-Франциско принадлежитъ честь единственной въ своемъ родѣ административной комбинаціи: городской голова Шмитцъ былъ посаженъ въ тюрьму судебной властью, но продолжалъ оставаться главою исполнительной власти въ городѣ и между прочимъ не слагалъ съ себя завѣдыванія полиціей.

Эти печальные факты показываютъ, что и демократія не обладаетъ секретомъ устранять человѣческую испорченность, и что при демократическомъ порядкѣ открываются своеобразныя гнойныя язвы. Американскіе и европейскіе изслѣдователи политической жизни Соединенныхъ Штатовъ указываютъ на одну черту, которая даетъ возможность разобраться до нѣкоторой степени въ противорѣчіяхъ этой кипучей жизни, несущейся какимъ-то мутнымъ потокомъ. Главное дѣло, на которое направлены мысли и усилія американцевъ,—работа широкаго экономическаго и соціальнаго творчества. На государство они до сихъ поръ смотрятъ до нѣкоторой степени глазами одного изъ отцовъ своей независимости, Джефферсона,—„чѣмъ его меньше, тѣмъ лучше". Оно для нихъ необходимая оболочка того общественнаго содержанія, которое поглощаетъ ихъ вниманіе и заботы. Естественно, что они не придаютъ особеннаго значе-

нія неустройствамъ и недостаткамъ въ этой области подобно тому, какъ они примиряются съ высокимъ процентомъ крушеній и изувѣченныхъ на желѣзныхъ дорогахъ, лишь бы поѣзда совершали пробѣгъ съ значительной быстротой. И нельзя не замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ сфера государственной дѣятельности расширяется и осложняется, все энергичнѣе проявляется сознательная рѣшимость не давать хода промыслу политикановъ, стремящихся ловить рыбу въ мутной водѣ. Реформа государственной службы, усиленіе самостоятельныхъ должностей, коалиціи гражданъ противъ партійныхъ машинъ, агитація въ пользу независимаго суда, движеніе въ пользу контроля корпорацій становятся все болѣе и болѣе лозунгами сознательныхъ гражданъ.

Въ своей пессимистической оцѣнкѣ демократіи Лекки между прочимъ замѣтилъ, что пресса вѣрнѣе выражаетъ общественное мнѣніе нежели избранные представители страны. Это было написано въ Англіи въ серединѣ девяностыхъ годовъ. Интересно знать, примѣнилъ ли бы ихъ Лекки къ современной американской прессѣ или нѣкоторымъ ея англійскимъ подражателямъ (Daily Mail, Daily Express и т. п.). Нельзя не оставить за этими изданіями роли выразителей общественныхъ взглядовъ и вкусовъ, но трудно сказать, приносятъ ли они больше пользы или вреда. Погоня за сенсаціей, раздраженіе нервовъ публики стало для большей части газетъ главной задачей. Безцеремонныя вторженія въ частную жизнь, кровожадный интересъ къ эффектамъ батальной и уголовной хроники, самодовольное хвастовство и невѣжественное шарлатанство стали ежедневными явленіями въ американской и отчасти въ европейской прессѣ. Борьба противъ этихъ дурныхъ инстинктовъ должна вестись изнутри, изъ среды той же безконечно вліятельной прессы. Никакія внѣшнія мѣры принужденія непримѣнимы. А затѣмъ ясно, что рѣшительной перемѣны къ лучшему можно ожидать только отъ воспитанія въ самомъ широкомъ смыслѣ — отъ совокупности пріобрѣтенныхъ нравственныхъ, интеллектуальныхъ и эстетическихъ взглядовъ и привычекъ.

Пока цивилизованные народы жили въ тѣсныхъ рамкахъ аристократическаго строя, соціальную дисциплину было сравнительно легко поддерживать. Это дѣлалось путемъ прямыхъ предписаній, сословной чести, традиціоннаго авторитета. Въ религіозной области протестантская община, духовенство католической и православной церкви оказывали вліяніе на характеры, а не просто слѣдили за дѣйствіями членовъ своей паствы. Теперь, когда люди стали свободны какъ никогда отъ внѣшняго принужденія и извѣрились во многомъ, что прежде составляло внутреннюю сдержку ихъ воли, все будущее человѣчества, весь ходъ исторіи зависитъ отъ того, сумѣютъ и смогутъ ли эти свободные люди выработать основы воспитанія, способныя замѣнить износившіяся формы. Наблюденія надъ исторіей XIX вѣка обнаруживаютъ прежде всего распаденіе стараго, и процессъ этотъ иногда порождаетъ полный нигилизмъ. О русскихъ проявленіяхъ этого духа говорить не стоитъ, но нельзя, читая, напр., высоко талантливыя произведенія Анатоля Франса, на задуматься надъ безпочвенностью его личнаго благородства, надъ безнадежностью его образа мыслей. Пользуясь сравненіемъ, подсказаннымъ другимъ гораздо менѣе крупнымъ художникомъ — Пьеромъ Лоти, современные французы стоятъ передъ грудой разбитаго стекла. Когда-то оно было узорнымъ окномъ, пропускавшимъ солнечный свѣтъ сквозь свои замысловатыя картины, теперь остается любоваться красивыми осколками и загадывать о причудливыхъ комбинаціяхъ, въ которыя входили эти кусочки.

Германская и англійская жизнь оказываютъ болѣе сильное противодѣйствіе

разлагающимъ вліяніямъ современности. Въ данномъ случаѣ сказываются два теченія, одинаково характерныя, хотя и неодинаково симпатичныя. Съ одной стороны, сказывается почти деспотическое давленіе общественной условности, настаивающей на соблюденіи извѣстныхъ правилъ ради ихъ соціально-дисциплинирующаго значенія, несмотря на то, что внутренняя убѣдительность этихъ правилъ въ значительной степени утрачена.

Въ этомъ смыслѣ нельзя не указать на упорное соблюденіе богослужебныхъ обычаевъ, на принудительность воскреснаго отдыха, на цѣлый рядъ семейныхъ и школьныхъ традицій, особенно замѣтныхъ въ Англіи, но сохранившихъ отчасти силу и въ Германіи. Съ другой стороны, бросается въ глаза, что въ индивидуальномъ характерѣ англичанина или нѣмца больше устойчивости и выдержки, чѣмъ у француза или русскаго. Это—условія успѣха и силы, съ которыми приходится считаться во всѣхъ отношеніяхъ, особенно когда дѣло идетъ о національномъ воспитаніи.

Нигдѣ, можетъ быть, запросъ на такого рода воспитаніе со всѣми его политическими послѣдствіями не ставится такъ настоятельно, какъ въ Америкѣ. Организація школъ и система воспитанія весьма различны и несовершенны; эксперименты, производимые въ теченіе послѣднихъ поколѣній, не привели пока къ твердымъ результатамъ, но рвеніе въ этомъ направленіи не ослабѣваетъ, и нравственное значеніе воспитательной работы въ Соединенныхъ Штатахъ поистинѣ велико. Наиболѣе слабымъ пунктомъ является, повидимому, средняя школа, довольно безпомощная въ разрѣшеніи своей главной задачи—дать общее образованіе своимъ питомцамъ. Зато начальная школа успѣшно достигаетъ своей цѣли и даетъ достаточное элементарное образованіе широкимъ кругамъ населенія. Въ то же время она разрѣшаетъ политическую задачу первостепенной важности: благодаря ей, главнымъ образомъ, разноплеменные элементы, которые Европа цѣлыми массами выбрасываетъ въ Новый Свѣтъ пріобрѣтаютъ американскую окраску. На улицахъ Чикаго или Мильуоки можно иной разъ подумать, что находишься во владѣніяхъ русскаго императора или итальянскаго короля. А между тѣмъ благодаря начальной школѣ и желанію стать гражданиномъ великой, свободной страны сотни тысячъ евреевъ, поляковъ, итальянцевъ усвоиваютъ мало-по-малу языкъ и складъ мысли своего новаго отечества.

Другимъ знаменіемъ времени является быстрый ростъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Конечно, большая часть этихъ колледжей и университетовъ представляетъ лишь весьма скромные зачатки высшаго образованія. Но есть между ними и нѣсколько учрежденій, которыя могутъ поспорить съ передовыми европейскими школами. Гарвардъ, Джонъ Гопкинсъ (въ Балтиморѣ), Колумбія (въ Нью-Іоркѣ) имѣютъ уже интернаціональную извѣстность, и 12—15 изъ остальныхъ въ общемъ отвѣчаютъ европейскимъ требованіямъ. Но не слѣдуетъ пренебрегать и ролью зачаточныхъ учрежденій въ родѣ какого-нибудь Беллоитъ (въ Уисконсинѣ) или Тафтсъ (около Бостона). Ихъ такое множество—около 450,—что повсюду въ странѣ люди, ищущіе высшаго образованія, могутъ найти какую-нибудь организацію, руководящую первыми шагами на этомъ пути. Въ общемъ получается картина, которая показываетъ, какъ сильно заблуждаются тѣ, кто воображаютъ, что въ Америкѣ все приносится въ жертву наживѣ. Заваленные работой и скудно обезпеченные преподаватели всѣхъ этихъ „университетовъ“, въ значительной своей части чистокровные идеалисты, избравшіе свою дорогу не ради обогащенія: они отдаютъ лучшія силы не столько на укѣ, сколько воспитанію своего народа.

Ради этого патріотическаго дѣла можно извинить многое въ смыслѣ сырой незаконченности американскихъ работъ. Несомнѣнно притомъ, что и въ чисто ученомъ отношеніи американскія учебныя заведенія постоянно и быстро совершенствуются.

Именно въ этомъ направленіи систематическаго воспитанія массъ лежитъ главное средство для борьбы съ недостатками демократіи. Цѣлый рядъ другихъ, болѣе техническихъ средствъ указывается писателями и дѣятелями, изучавшими вопросъ. Острогорскій настаиваетъ на необходимости ограничить поле дѣйствія выборной системы, сохраняя ее лишь для законодательныхъ собраній и для замѣщенія важнѣйшихъ административныхъ должностей. По его мнѣнію, большая часть мѣстъ по администраціи и суду должны заполняться назначеніемъ и должны быть поставлены внѣ зависимости отъ партійныхъ вліяній. Идея пропорціональнаго представительства, обезпечивающаго интересы меньшинства, развита въ проектахъ Д. С. Милля, Гера и другихъ. Передача народу на непосредственное рѣшеніе важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ (referendum), отчасти ужъ осуществленная въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ и въ Швейцаріи, нашла особенно компетентнаго изслѣдователя и защитника въ лицѣ женевскаго профессора Боржо. Не трудно видѣть однако, что всѣ техническія усовершенствованія, сами по себѣ прекрасныя и желательныя, не устраняютъ главнаго затрудненія и главнаго недостатка демократіи—гражданской разрозненности ея членовъ, дѣлающаго необходимымъ механическое сплоченіе партій со всѣми его нравственными и матеріальными послѣдствіями. Дѣйствительнымъ противовѣсомъ можетъ быть отчасти децентрализація, на которую указывалъ Токвилль, потому что она сводитъ индивидуальныхъ гражданъ въ группы и приближаетъ государственныя задачи къ сферѣ ихъ пониманія и воздѣйствія. Но еще важнѣе, повидимому, воспитаніе, направленное къ нравственному совершенствованію гражданъ и къ сформированію ихъ политическихъ идеаловъ. При этомъ важно, конечно, не одно обученіе и не просто уроки по политическимъ наукамъ, но все, что способно расширить сферу сознательности и разумной самодѣятельности.

III.

Что бы ни говорили защитники старины, несомнѣнно, что исторія XIX вѣка носитъ на себѣ печать дѣятельнаго идеализма. Это особенно бросается въ глаза, если обратить вниманіе на освободительныя стремленія XIX вѣка и на великіе результаты, достигнутые ими во всѣхъ областяхъ, гдѣ личность подвергалась гнету и насилію. Общественная совѣсть громко и непрерывно заявляетъ свое осужденіе всѣмъ видамъ рабства устами смѣлыхъ апостоловъ правды, какъ Уильберфорсъ, Уильямъ Лойдъ Гаррисонъ, М-съ Бичеръ Стоу, Тургеневъ, и подвигами государственныхъ людей, подобныхъ Линкольну, Гладстону, Милютину.

Не мало еще остается сдѣлать на этомъ поприщѣ, но пути намѣчены безповоротно, а промедленія и задержки хотя и увеличиваютъ накопившіеся запасы несправедливости и ненависти, но, очевидно, не измѣнятъ конечныхъ результатовъ. Освобожденіе человѣческой личности отъ притѣсненій, совершаемыхъ во имя сословія, національности, вѣроисповѣданія и пола, по существу достигнуто въ теченіе XIX вѣка, и XX-му остается лишь завершить славную освободительную работу. Крѣпостное право пало раньше въ Германіи, нежели въ Россіи, но за послѣдней остается во всякомъ случаѣ честь попытки обезпечить за освобождаемыми крестьянами пользованіе землею, между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ крестьянская собственность была либо результатомъ предшествовавшихъ фор-

мальному освобожденію экономическихъ процессовъ (Франція, отчасти Германія) либо же уступила передъ хозяйственнымъ и правовымъ давленіемъ земельной аристократіи (Англія, Восточная Германія) Контрастъ еще поразительнѣе, если мы сравнимъ участь русскихъ крестьянъ въ моментъ полученія „воли“ съ участью негровъ при изданіи освободительной декларації Линкольна. Послѣдніе не получили буквально ничего, кромѣ юридической полноправности; имъ не было отведено ни клочка земли, не было обезпечено даже угла въ населяемыхъ ими хижинахъ. Брошенные на произволъ судьбы, они стали естественнымъ матеріаломъ для новой эксплоатаціи со стороны своихъ прежнихъ господъ и иныхъ бѣлыхъ. Перебиваясь кое-какъ въ своихъ лачугахъ, подъ полицейскимъ покровительствомъ сѣверянъ, они въ настоящее время представляютъ громадную неустроенную массу сельскаго пролетаріата, который держится поденной работой, случайными подачками и захватами заброшенной земли. Такимъ образомъ и въ Соединенныхъ Штатахъ не обошлось безъ того противорѣчія между теоріей и практикой сословнаго освобожденія, на которое съ горечью указываютъ изучающіе исторію этого вопроса въ Европѣ. И только теперь, благодаря возникновенію новой промышленной жизни, Южные Штаты начинаютъ выходить изъ почти невѣроятнаго состоянія безпорядка и запустѣнія, въ которомъ они очутились въ результатѣ междоусобной войны.

Паденіе оковъ, наложенныхъ на цѣлыя національности, совершается медленнѣе, чѣмъ сословное освобожденіе. Положимъ, одна сторона дѣла, признаніе гражданскаго равенства всѣхъ подданныхъ, всѣхъ тѣхъ, съ кого государство беретъ дань кровью и имуществомъ, можно считать оконченнымъ во всей Европѣ, за постыднымъ исключеніемъ Россіи, которая все еще примѣняетъ къ милліонамъ своихъ евреевъ средневѣковыя ограниченія. Этотъ отказъ въ элементарномъ правѣ не можетъ быть оправданъ никакими соображеніями, и нечего было бы удивляться, если бы даже Россія дѣйствительно относительно чаще находила въ своемъ еврейскомъ населеніи зловредныхъ людей, готовыхъ на какое угодно преступленіе, тогда какъ тѣ же люди, попавши въ Англію или Америку, оказываются восторженно преданными своему новому отечеству и готовы отдать за него жизнь. Поучительная случайность привела меня въ Филадельфіи въ Палату Пенсильваніи (Old statehouse), гдѣ была составлена декларація независимости, въ одно время съ еврейскимъ мальчикомъ, вывезеннымъ изъ Россіи. Онъ съ благоговѣніемъ разбиралъ надпись на надтреснутомъ колоколѣ, гласившую, что звукъ этого колокола будетъ возвѣщать о свободѣ И тотъ же „жидъ“, который въ Россіи, быть можетъ, перебивался бы подозрительными дѣлишками на захолустной станціи юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ или, чего добраго, попалъ бы въ банду убійцъ и разбойниковъ, надо полагать, выработается въ дѣльнаго американскаго гражданина.

Но національный вопросъ имѣетъ и другую сторону, гораздо болѣе сложную. Современныя большія государства всѣ состоятъ изъ различныхъ національностей, соединенныхъ въ политическія цѣлыя въ результатѣ завоеваній и территоріальныхъ пріобрѣтеній. Покоренныя народности часто продолжаютъ протестовать противъ приговора матеріальной силы, а, съ другой стороны, у побѣдителей есть много средствъ для того, чтобы держать побѣжденныхъ и присоединенныхъ въ положеніи менѣе благопріятствуемыхъ гражданъ. Такъ были поставлены всѣ австрійскія народности, кромѣ нѣмцевъ, передъ 1867 годомъ; теперь русскіе въ Галиціи и славяне разныхъ племенъ въ Венгріи подвергаются разнообразнымъ ограничиніямъ со стороны преобладающихъ тамъ народностей—поляковъ и мадьяръ. Съ своей стороны поляки по

ставлены какъ покоренная національность въ Россіи и Пруссіи. Даже современной Англіи приходится распутывать туго затянутый узелъ въ своемъ правленіи Ирландіей. Въ дѣлѣ удовлетворенія національныхъ требованій, касающихся не правъ личности, а политическаго строя, не можетъ быть никакого общаго руководящаго принципа, кромѣ желательности возможно широкаго развитія формъ областного самоуправленія, насколько онѣ не грозятъ безопасности и силѣ заинтересованныхъ государствъ. Конкретное разрѣшеніе задачи зависитъ въ данномъ случаѣ отъ наличныхъ фактическихъ условій, и исторія XIX вѣка свидѣтельствуетъ о самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Слѣдуетъ лишь сказать, что государственные акты въ родѣ польскихъ раздѣловъ едва ли возможны въ настоящее время. Надо думать также, что даже у бюрократовъ постепенно проходитъ надежда на поголовную передѣлку цѣлыхъ національностей. Насилія надъ личнымъ правомъ и совѣстью, которыя играли главную роль въ подобныхъ экспериментахъ въ прежнее время, все болѣе и болѣе выходятъ изъ моды, и тѣмъ самымъ опредѣляется путь къ соглашенію въ національныхъ вопросахъ даже въ томъ случаѣ, когда договариваться приходится сторонамъ, весьма неравнымъ по силѣ. И англичане, и нѣмцы, и русскіе принуждены считаться съ требованіями и идеалами народностей, которыя имѣютъ лишь слабую возможность навязывать имъ свои точки зрѣнія открытой силой.

По отношенію къ свободѣ вѣроисповѣданія приходится опять таки различать два движенія въ исторіи XIX в. Истина, что всякій свободенъ въ своей совѣсти, что не должно быть никакого принужденія въ вопросахъ вѣры, стала общепризнанной въ теченіе этого столѣтія, пожавшаго плоды того, что было посѣяно въ XVI и XVII вѣкахъ послѣ упорной борьбы и великихъ страданій. Эмансипація католиковъ въ Англіи въ концѣ 20-хъ годовъ можетъ считаться послѣднимъ актомъ этой многовѣковой драмы, и только въ Россіи все еще держатся нѣкоторыя отжившія формы принужденія по отношенію къ сектантамъ и иновѣрующимъ. Гораздо медленнѣе совершается процессъ отдѣленія церкви отъ государства, т.-е. прекращенія особыхъ привилегій и выгодъ, предоставляемыхъ различными государствами той или другой церкви, признанной господствующею и преимущественно связанною съ историческимъ развитіемъ страны. Такія господствующія церкви все еще держатся не только въ Россіи, но въ Англіи и Германіи, и лишь недавно Франція разорвала конкордатъ съ папской куріей, основанный на признаніи католицизма господствующимъ вѣроисповѣданіемъ Франціи. Ясно, что подобныя привилегіи такъ же обречены на уничтоженіе, какъ и карательныя постановленія, направленныя противъ инославныхъ исповѣданій. Не есть ли покровительство той или другой церкви тоже своего рода давленіе на совѣсть людей? Для болѣе чуткихъ религіозныхъ натуръ какъ разъ Кесарева примѣсь является отталкивающимъ элементомъ въ современныхъ правительственныхъ церквахъ, и тамъ, гдѣ раздѣленіе областей вошло въ право, какъ, напр., въ Америкѣ, полная равноправность вѣроисповѣданій отлично соединяется съ живымъ религіознымъ интересомъ. Львы и тигры мирно уживаются съ овцами и зайцами: князья великихъ церквей, надѣлавшихъ столько зла въ свѣтѣ своимъ кровожаднымъ фанатизмомъ—католическіе и англиканскіе прелаты, принуждены отстаивать свои права на паству путемъ дѣятельной пропаганды, подобно баптистамъ и унитаріямъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что на практикѣ отдѣленіе церкви отъ государства требуетъ постепенности и большого такта. Нельзя не считаться съ тѣмъ, что въ умахъ простыхъ людей религіоз-

ныя формы переплетаются съ національными обычаями и патріотическими воспоминаніями. Въ исторической дѣйствительности и тѣ, и другіе развивались въ постоянномъ взаимодѣйствіи и чисто разсудочное проведеніе реформъ разрушило бы множество идеальныхъ побужденій и могучихъ ассоціацій. Великимъ несчастіемъ для Франціи и Италіи слѣдуетъ признать, что въ этихъ странахъ государство и церковь не только разстались, но разстались врагами.

Движеніе къ уравненію женщинъ и мужчинъ въ гражданскомъ отношеніи выражалось въ разнообразныхъ формахъ въ теченіе XIX вѣка: дѣло шло и о женскомъ образованіи, и о допущеніи женщинъ къ профессіямъ, и о политическомъ равноправіи, и о положеніи въ семьѣ, и объ имущественныхъ правахъ. Нѣтъ возможности прослѣдить за всѣми этими проявленіями идеи, что женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина, и что ограниченіе ея въ правахъ является переживаніемъ варварскихъ формъ общественности. Разницы, обусловливаемыя физіологическими и интеллектуальными особенностями и неравенствомъ силъ, не могутъ не сказаться въ дѣйствительной жизни, но какъ разъ въ виду этого чувство справедливости заставляло идеалистовъ XIX вѣка бороться противъ юридическаго приниженія женщинъ во всѣхъ его многообразныхъ формахъ. Прогрессъ за это время былъ громаденъ, но совершался онъ шагъ за шагомъ. Логическая послѣдовательность пріобрѣтеній обнаруживается въ совокупности измѣненій, а не въ каждомъ отдѣльномъ положеніи. Характернымъ образчикомъ эволюціи можетъ служить законодательство, устанавливающее имущественныя права замужнихъ женщинъ. Вплоть до XIX вѣка, за немногими исключеніями, гражданское право Европы просто передавало мужу распоряженіе имуществомъ жены. Эта система до сихъ поръ просвѣчиваетъ въ нѣмецкомъ гражданскомъ кодексѣ, который, гарантируя замужней женщинѣ право собственности по отношенію къ привносимому ею имуществу (eingebrachtes Gut), тѣмъ не менѣе передаетъ мужу главную роль въ управленіи имъ и ставитъ жену въ необходимость дѣйствовать черезъ посредство мужа или, по крайней мѣрѣ, испрашивать его согласіе при совершеніи какихъ бы то ни было гражданскихъ актовъ. Таково положеніе дѣла по германскому своду въ случаѣ, если не заключено особаго брачнаго договора между супругами. (Bürgerliches Gesetzbuch, ст. 1381, 1382, 1371—77, 1395—98. Ср. Schuster, German Civil law, 499 сл.).

Англійское право двигалось, по своему обыкновенію, извилистымъ путемъ. По общему праву (Common law) имущество жены становилось вслѣдствіе брака имуществомъ мужа. Канцлерскій судъ, примѣнявшій въ своемъ производствѣ не буквальное право, а справедливость (equity), сталъ однако признавать, что если имущество женщины, вступающей въ бракъ, передано въ завѣдываніе довѣреннаго лица (trustee) для ея личнаго употребленія, такая передача и закрѣпленіе (Settlement) лишаетъ мужа права на это имущество и въ случаѣ надобности будетъ поддержано судебною властью. Съ другой стороны, во избѣжаніе вымогательствъ и нравственнаго давленія со стороны супруга, канцлеры ограничили правоспособность замужней женщины, пользующейся „закрѣпленіемъ“ (Settlement), въ томъ смыслѣ, что она была лишена возможности отчуждать закрѣпленное имущество или обезпечивать имъ долги. Въ 1870, 1882 и 1893 годахъ парламентъ распространилъ положенія, ограждающія имущественныя права замужней женщины на область общаго права. Тѣмъ самымъ особенности закрѣпленія сдѣлались признаками имущественнаго положенія любой замужней женщины независимо отъ формальнаго Settlement (Dicey, Law and Opinion, 369 сл.).

IV.

Одной изъ главнѣйшихъ формъ освобожденія личности было паденіе различныхъ экономическихъ ограниченій, стѣснявшихъ волю людей въ выборѣ профессіи, примѣненіи труда и пользованіи имуществомъ. Въ Англіи, наприм., въ началѣ XIX вѣка еще дѣйствовалъ законъ временъ Елизаветы (5 Eliz.), въ силу котораго каждый предприниматель-ремесленникъ имѣлъ право держать не болѣе трехъ или четырехъ подмастерьевъ и т. п. Но ученіе классической школы экономистовъ и вліяніе политическаго процесса освобожденія привели въ Англіи, и до извѣстной степени въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, къ уничтоженію различныхъ путъ, налагаемыхъ законами и традиціонной практикой на промышленную свободу личности. Въ англійской палатѣ общинъ эта промышленная свобода разсматривалась какъ гарантированное конституціей право: „Право каждаго пользоваться унаслѣдованнымъ или заработаннымъ имъ капиталомъ по своему усмотрѣнію безъ всякихъ затрудненій и препятствій, если этимъ не нарушаются имущественныя права другихъ лицъ, есть одно изъ преимуществъ, въ которомъ свободная и благодѣтельная конституція нашей страны пріучила каждаго британца видѣть свое прирожденное право". (Ссылка у Cunningham, Industry and commerce, II, 789). Признаніе полной экономической свободы привело къ цѣлому ряду весьма существенныхъ послѣдствій: къ разверткѣ общинныхъ полей и угодій, къ отмѣнѣ цеховыхъ ограниченій, хлѣбныхъ законовъ, всякаго рода покровительственныхъ пошлинъ. Англія пошла гораздо далѣе въ направленіи принципа laissez faire или манчестерства, нежели остальныя европейскія страны и Соединенные Штаты. Послѣдніе, какъ извѣстно, сохранили и даже развили политику покровительства отечественной промышленности. Но во взглядѣ, что экономическая жизнь общества должна опредѣляться свободными соглашеніями и свободной конкурренціей его членовъ, всѣ представители первоначально господствовавшей экономической доктрины были согласны. Эпоха развитія этой доктрины совпала съ колоссальнымъ переворотомъ, охватившимъ всѣ отрасли промышленности вслѣдствіе введенія въ нихъ машиннаго производства. Между той и другой стороной дѣла нѣтъ необходимой внутренней связи, но свобода соглашеній и машинное производство дѣйствовали въ одномъ направленіи, облегчая образованіе обширныхъ капиталистическихъ предпріятій и приводя въ концѣ-концовъ къ тому, что отдѣльные рабочіе потеряли свою законченную индивидуальность и стали частями въ цѣломъ капиталистической организаціи. Машина сдѣлала возможнымъ сосредоточеніе и утилизацію на сравнительно небольшомъ пространствѣ такихъ силъ, которыя въ переводѣ на масштабъ человѣческой или лошадиной работы выражались въ колоссальныхъ, неслыханныхъ цифрахъ. Свободный притокъ рабочихъ къ центрамъ производства открылъ возможность проводить раздѣленіе труда и создавать численныя комбинаціи, о которыхъ никто и не помышлялъ въ прежнія столѣтія. Достаточно одной иллюстраціи вмѣсто многихъ. Возьмемъ знаменитое разсужденіе Адама Смита о выдѣлываніи булавокъ и дополнимъ его кое-какими данными относительно усовершенствованнаго изготовленія булавокъ въ третьей четверти XIX вѣка.

„Рабочій, незнакомый съ этимъ производствомъ и съ употребляемыми въ немъ машинами, едва ли сдѣлаетъ болѣе, нежели одну булавку въ день и навѣрное не сдѣлаетъ двадцати. Въ настоящее время это производство раздѣлено между цѣлымъ рядомъ отраслей, изъ которыхъ нѣкоторыя являются самостоятельными производствами. Одинъ рабочій вытягиваетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій

разрѣзываетъ, четвертый заостряетъ, пятый подпиливаетъ сверху, чтобы можно было насадить головку. Выдѣлка головки требуетъ двухъ или трехъ отдѣльныхъ операцій,—налаживаніе ея составляетъ особое дѣло; затѣмъ надо выбѣлить булавку. Даже упаковка булавокъ есть особое ремесло, и, такимъ образомъ, важное дѣло приготовленія булавки раздѣлено между восемнадцатью отдѣльными операціями. Я видѣлъ маленькую фабричку, въ которой работало десять человѣкъ... Они могли выдѣлать двѣнадцать фунтовъ булавокъ въ день. Въ фунтѣ около 4.000 булавокъ средняго размѣра. Эти десять рабочихъ имѣли возможность такимъ образомъ приготовить около 48.000 булавокъ въ день" (Wealth of Nations — въ 177б). Посмотримъ теперь, въ какихъ пріемахъ и какихъ цифрахъ выразился промышленный прогрессъ въ этомъ дѣлѣ приблизительно за сто лѣтъ. Вотъ что говоритъ одинъ консульскій отчетъ, представленный въ 1888 году правительству Соединенныхъ Штатовъ.

„При изготовленіи булавокъ мѣдная проволока ставится на мѣсто, конецъ ея прикрѣпляется и машина, напоминающая человѣка, совершаетъ всѣ остальныя операціи своими желѣзными пальцами. Одна машина дѣлаетъ 180 булавокъ въ минуту, разрубая проволоку, расплющивая головки, заостряя концы и роняя булавку на предназначенное мѣсто. 108 000 булавокъ представляютъ ежедневную работу одной машины. На фабрикѣ, которую мы осматривали, было семьдесятъ машинъ: вмѣстѣ онѣ выдѣлывали 7.500.000 булавокъ. Смотрѣли за ними трое рабочихъ. Одинъ машинистъ съ помощникомъ-мальчикомъ занятъ необходимыми починками. (Ссылка у Wells, Recent economic changes; New-York, 1890). Цифры эти сами говорятъ за себя. Они иллюстрируютъ и замѣну человѣческой работы машинной и колоссальное увеличеніе производительности труда, достигаемаго этою замѣною. И надо имѣть въ виду, что въ цивилизованныхъ государствахъ міра эта замѣна совершается въ теченіе почти 150 лѣтъ, охватывая болѣе или менѣе всѣ формы производства.

Даже въ земледѣліи, которое сравнительно менѣе зависитъ отъ механическихъ усовершенствованій, введеніе новыхъ плуговъ, жатвенныхъ машинъ, молотилокъ и вѣялокъ, паровыхъ мельницъ и т. п. вытѣснило массы ручного труда и, съ другой стороны, увеличило въ несчетное число разъ продуктивность работы. Нужды человѣческаго рода такъ велики, его потребности такъ быстро возрастаютъ вмѣстѣ съ большею доступностью различныхъ предметовъ, которые еще недавно были роскошью, что нѣтъ и рѣчи объ абсолютномъ перепроизводствѣ или объ абсолютномъ избыткѣ рабочихъ рукъ сравнительно съ требованіями на нихъ. Но постоянныя перемѣщенія въ характерѣ и объемѣ этихъ требованій, необходимость для громадныхъ массъ приспособляться къ измѣняющимся условіямъ производства и рынка причиняютъ много страданій и становятся сами по себѣ источникомъ экономическихъ затрудненій.

Другая сторона развитія сложныхъ промышленныхъ предпріятій, оперирующихъ при помощи дорого стоящихъ машинъ, есть необходимость громадныхъ первоначальныхъ затратъ для того, чтобы пустить въ ходъ и поддерживать производство. Капиталъ, въ смыслѣ сосредоточенія части выручки отъ труда для организаціи послѣдняго, всегда игралъ извѣстную роль въ экономической исторіи, но никогда роль эта не была такъ велика, какъ въ XIX вѣкѣ. Чтобы составить себѣ понятіе о значеніи измѣненій, произведенныхъ въ общественномъ строѣ развитіемъ капитализма, обратимъ вниманіе на нѣкоторые факты, взятые изъ промышленной исторіи Германіи.

Лѣтъ сто тому назадъ Германія была еще земледѣльческой страной. Населеніе

ея состояло приблизительно изъ 24 милліоновъ жителей въ сравненіи съ 56 милліонами въ 1900 году. Отношеніе между различными отраслями хозяйствъ можетъ быть иллюстрировано тѣмъ, что въ Пруссіи еще 1843 году приходилось лишь 97 лицъ, занимающихся торговлей, на 10.000 жителей (теперь 240) и 10 занятыхъ въ обрабатывающей промышленности на 122 (теперь 65). Перевѣсъ натуральнаго хозяйства, изготовляющаго всѣ главные предметы потребленія на мѣстѣ, выражается между прочимъ въ томъ, что выдѣлка тканей, особенно хлопчато-бумажныхъ, составляла въ значительной степени кустарный промыселъ. 86% всѣхъ ткацкихъ станковъ находились еще въ 1846 году въ домахъ крестьянъ. Контрастъ національныхъ оборотовъ въ торговлѣ даетъ поразительныя цифры. Сумма ввоза въ германскія государства вычислена для 1842 года въ 566 милліоновъ марокъ, сумма вывоза—въ 489 милліоновъ. Въ настоящее время (около 1900 г.) ввозъ превышаетъ 6 милліардовъ, а вывозъ почти достигаетъ пяти. Безъ сомнѣнія, послѣднія цифры требовали бы для точнаго сопоставленія очень сложныхъ расчетовъ относительно цѣнности денегъ, но даже въ своей общей, необработанной формѣ онѣ даютъ краснорѣчивое показаніе относительно роста торговли [1]). Главное основаніе для этихъ поразительныхъ перемѣнъ лежитъ въ быстромъ ростѣ капитализма, охватившаго всѣ отрасли національнаго труда и особенно ярко проявившаго свое вліяніе въ горной промышленности, обработкѣ волокнистыхъ веществъ и развитіи желѣзнодорожнаго дѣла. Помимо образованія большихъ состояній, влагающихъ капиталы въ промышленность, великую и даже большую роль играетъ возникновеніе множества акціонерныхъ предпріятій, соединяющихъ мелкіе капиталы въ большія капиталистическія комбинаціи. Особенно разгорѣлась лихорадочная дѣятельность въ этомъ направленіи послѣ войны между Германіей и Франціей и прилива денегъ французской контрибуціи. За 20 лѣтъ отъ 1851 до 1870 г. было образовано 295 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 2.400 милл. марокъ; за четыре же года отъ 1870 до 1874 составилось ихъ 857 съ капиталомъ въ 3.306 милл. марокъ (Sombart, 97). Этотъ періодъ „грюндерства“ вызвалъ соотвѣтствующую реакцію, и множество дутыхъ или недостаточно крѣпкихъ предпріятій погибло за это время. Но важны не столько эти естественныя колебанія, сколько общее нарастаніе суммъ, выражающихъ участіе населенія въ капиталистическомъ производствѣ.

V.

Историкъ германскаго капитализма Зомбартъ не безъ иронии замѣчаетъ, что нѣмецкій характеръ особенно благопріятенъ для развитія именно этой формы хозяйственной организаціи: нѣмецъ охотно превращается изъ цѣльной человѣческой личности въ частицу обширной организаціи — ученой, военной или экономической — и въ совокупности съ другими подобными же частицами составляетъ внушительное, хотя и искусственное, цѣлое, которое дѣйствуетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе обезличены его составные элементы. Но едва ли нужно прибѣгать въ данномъ случаѣ къ національной психологіи нѣмцевъ: результаты, достигаемые капиталистомъ, выступаютъ въ еще болѣе колоссальныхъ цифрахъ въ исторіи Англіи и Америки. Дѣло въ основѣ одно и то же: сосредоточеніе капиталовъ для массовыхъ операцій современнаго прогрессивнаго хозяйства подавляетъ отдѣльную личность и включаетъ ее какъ бы частью въ капиталистическую машину. Противовѣса этому поглощенію можно искать либо въ огражденіи права каждаго

[1]) Sombart, Die deutsche Volkswirthschaft im XIX Jahrh., 40.

индивидуума на значительную долю культурной свободы, не захваченной капиталистическимъ процессомъ, либо въ попыткахъ регулировать условія купли и продажи труда, роста, распредѣленія и примѣненія капитала Стремленія въ томъ и другомъ смыслѣ опираются въ концѣ-концовъ на одну и ту же силу—на комбинаціи рабочихъ и сочувствующихъ имъ представителей другихъ классовъ общества. Стачки, рабочіе союзы, образованіе рабочихъ партій, революціонные порывы, увлекающіе массы недовольныхъ, эти формы проявленія *соціалистическаго* движенія становятся съ каждымъ днемъ болѣе замѣтными факторами общественной жизни. Отдѣльный человѣкъ въ данномъ случаѣ умаляется въ своей самостоятельной „особности", и можно сказать, что та „частичность", къ которой пріучила его капиталистическая организація, становится однимъ изъ главныхъ условій борьбы противъ капитализма, способствуя росту соціалистическихъ соединеній.

Въ общей программной формѣ забота объ извѣстномъ минимумѣ хозяйственнаго обезпеченія гражданъ, основаннаго на приложеніи ихъ труда, была вмѣнена въ обязанность современному государству еще французской революціей. Безъ глубокаго пониманія экономическихъ и общественныхъ затрудненій, движимые лишь сочувствіемъ къ безотрадному положенію низшихъ классовъ, представители двухъ главныхъ революціонныхъ группъ—конституціоналисты 1791 и террористы 1793—провозгласили право на трудъ и на воспитаніе. Въ ст. I конституціи 1791 были занесены слѣдующія положенія: „будетъ создано и организовано учрежденіе общественной помощи, обязанное воспитывать заброшенныхъ дѣтей, оказывать поддержку бѣднымъ, неспособнымъ къ труду, и доставлять способнымъ къ труду бѣднымъ, которые не имѣли работы, возможность ее получить." „Будетъ создано народное обученіе, общее для всѣхъ гражданъ и безплатное по отношенію къ тѣмъ предметамъ, знаніе которыхъ необходимо всѣмъ людямъ". Декларація правъ 1793 года выражала тѣ же мысли въ нѣсколько иной формѣ (§ 21): общественная помощь (les secours publics) является священнымъ долгомъ. Общество обязано заботиться о продовольствіи несчастныхъ гражданъ путемъ доставленія имъ труда или доставленія средствъ къ существованію тѣмъ, кто неспособенъ къ труду. (§ 22). Просвѣщеніе необходимо всѣмъ и т. д. Провозгласить эти принципы было легче, чѣмъ осуществить ихъ, но теченіе исторіи XIX в., особенно второй его половины, неуклонно движется въ этомъ направленіи, и правительство французскихъ радикаловъ, которые по праву считаютъ себя въ настоящее время носителями традиціи 1789 и 1793 годовъ, учредило въ качествѣ постояннаго органа „Министерство труда и общественной предусмотрительности" (prévoyance sociale).

Въ данномъ случаѣ ясно, какъ и при изученіи демократіи, что дѣло идетъ не о всестороннемъ улучшеніи, что многія стороны наблюдаемаго движенія опасны и антипатичны, и все-таки нельзя не сознавать, что въ общемъ движеніе неотразимо вызвано глубокими, законными причинами и призвано сыграть свою роль въ исторіи человѣчества. Оно въ концѣ-концовъ является результатомъ возрастающей сознательности низшихъ классовъ, колоссальныхъ народныхъ массъ, которыя до сихъ поръ оставались на заднемъ планѣ общественной организаціи. Онѣ все болѣе и болѣе выдвигаются впередъ и своимъ активнымъ выступленіемъ видоизмѣняютъ постановку всѣхъ основныхъ вопросовъ права и хозяйства. Дѣло мудрой политики и здраваго гражданскаго чувства не вздыхать по невозвратному прошлому, не упираться слѣпо противъ надвигающихся историческихъ силъ, а способствовать разумному пересмотру отношеній, предотвратить разгромъ и про-

БИБЛИОТЕКА
СКАНИРОВАНО

водить реформу. Въ общемъ такъ дѣло и совершается въ дѣйствительно цивилизованныхъ странахъ. Дѣятельность реакціонеровъ и индивидуалистовъ сводится на роль задерживающихъ факторовъ; непосредственный захватъ и классовый разгромъ, къ которымъ готовы были бы прибѣгнуть крайніе соціалисты, предотвращаются постепенными уступками и видоизмѣненіями общественнаго строя. Но задача, конечно, не въ томъ, чтобы просто уступать по линіи сильнѣйшаго давленія, а въ томъ, чтобы направлять силы соціальной эволюціи къ разумнымъ цѣлямъ. По выраженію Ренана,—выраженію, отъ котораго онъ отрекся въ старости: „государство—машина, выдѣлывающая прогрессъ". (L'état est une machine à progrès) (Avenir de la science, 1843, p. 378).

Посмотримъ, какъ теченіе къ соціализму проявлялось въ одной изъ странъ, гдѣ наиболѣе сильно и успѣшно развивалась дѣятельность отдѣльной личности. Англія, захватившая руководство міровой торговлей и львиную долю господства надъ малокультурными странами, является однимъ изъ главныхъ оплотовъ индивидуализма наряду съ Соединенными Штатами, создавшими свою промышленную жизнь съ такимъ колоссальнымъ успѣхомъ и быстротою на незанятомъ пространствѣ Новаго Свѣта. И въ той и въ другой странѣ матеріалъ для промышленнаго захвата такъ великъ, пути для личнаго преуспѣянія такъ широки и разнообразны, что общественная мысль обращалась главнымъ образомъ на обезпеченіе свободнаго, безпрепятственнаго примѣненія предпріимчивости и энергіи, а не на контрольное регулированіе общественнаго порядка. И эпоха индивидуализма несомнѣнно выработала въ Англіи и Америкѣ замѣчательные культурные типы, типы борцовъ—смѣлыхъ, твердыхъ, жестокихъ, самоувѣренныхъ. Эти боевые люди прокладываютъ себѣ дорогу, какъ юристы, журналисты, колоніальные администраторы, предприниматели, купцы. Естественно, что въ Англіи и Америкѣ жива вѣра въ силу и мужество отдѣльнаго человѣка и что перспективы опеки и „отеческаго" вмѣшательства не улыбаются этимъ практическимъ индивидуалистамъ. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ странахъ духъ коллективизма, какъ выражается одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей предмета, Дайси, дѣлаетъ постоянные и быстрые успѣхи. Первой его крупной побѣдой было учрежденіе фабричной инспекціи въ Англіи. Уже съ 1802 г. начинается рядъ законовъ, налагающихъ извѣстныя ограниченія на фабрикантовъ по отношенію къ дѣтскому труду и санитарнымъ условіямъ содержанія фабричныхъ помѣщеній. Господство полной „свободы договора" приводило къ продажѣ дѣтей на фабрики, къ ужасающимъ формамъ эксплоатаціи и къ скотоподобному содержанію рабочихъ, которое давало себя чувствовать остальнымъ классамъ общества въ видѣ распространенія эпидемическихъ болѣзней. Въ результатѣ начинаетъ развиваться идея государственнаго вмѣшательства, до извѣстной степени подготовленнаго полицейскимъ законодательствомъ монархической эпохи (статуты о рабочихъ Эдуарда III, Елизаветы; законы о бѣдныхъ). Эти попытки получили, однако, практическое значеніе и сдѣлались основаніемъ для новаго поворота въ соціальномъ быту лишь благодаря организаціи по закону 1833 г. фабричной инспекціи, которая дала возможность дѣйствительно слѣдить за положеніемъ дѣлъ на фабрикахъ и оказывать покровительство рабочимъ въ случаѣ грубыхъ нарушеній справедливости и общественной гигіены. Въ 1844 г. покровительство инспекторовъ было распространено на женщинъ, въ 1847 и 1850 годахъ проведено ограниченіе рабочаго дня для дѣтей и женщинъ $10^1/_2$ часами, въ 1867 правила, выработанныя для ткачей и нѣкоторыхъ другихъ отраслей промышленности, были рас-

пространены на всѣ виды фабрикъ и ремесленныхъ заведеній. Дѣйствующій въ настоящее время актъ 1901 года Дайси называетъ прямо соціалистическимъ, но онъ является лишь сводомъ предшествовавшаго законодательства. Нечего говорить, что послѣдовательная агитація въ пользу восьмичасового рабочаго дня, если и когда она достигнетъ цѣли, поставитъ работу по фабричному договору въ положеніе своего рода государственной службы.

Другая линія, отличающая постепенные и постоянные успѣхи въ развитіи коллективизма въ Англіи, соотвѣтствуетъ росту промышленныхъ союзовъ (trade unions) и примѣненію стачекъ. По одному изъ реакціонныхъ законовъ 1819 года всѣ формы соединеній или уговоровъ между рабочими, направленныя къ давленію на предпринимателей, признавались заговорами и подпадали примѣненію уголовнаго права. Начиная съ 1824 и 1825 г. законодательство сочло необходимымъ допустить постоянныя ассоціаціи, образованныя съ цѣлью содѣйствовать рабочимъ въ достиженіи выгодныхъ условій найма. Стачки, сначала было допущенныя, были затѣмъ признаны снова преступными проявленіями заговора и только по законамъ 1871 и 1876 года эта форма борьбы за лучшія условія найма получила признаніе и освященіе въ англійскомъ правѣ. Во всякомъ случаѣ, развитіе промышленныхъ союзовъ на практикѣ шло неудержимо и въ рѣшительныя минуты обширныя стачки въ родѣ стачки между портовыми рабочими Лондона въ 1889 году или стачки горнорабочихъ средней Англіи въ 1893 году, оказывали сильнѣйшее вліяніе на положеніе дѣлъ. Общій духъ рабочихъ организацій становится мало-по-малу соціалистическимъ. На конгрессахъ тредъ-юніоновъ открыто выставляются главныя требованія соціалистической программы—8-мичасовой рабочій день и обобществленіе орудій производства, но въ то же время англійское рабочее движеніе проникнуто идеей, что цѣли можно достигнуть мирными средствами. Въ годовомъ отчетѣ о дѣятельности тредъ-юніоновъ за 1897 годъ выражается съ особенной силою сознаніе достигнутыхъ результатовъ и ставятся въ связи съ этимъ ближайшія цѣли. „Предприниматель заявляетъ притязанія на полную свободу въ выборѣ, назначеніи и опредѣленіи платы рабочимъ, но онъ забываетъ, что эта свобода въ веденіи его дѣла имъ давно утрачена и что въ настоящее время онъ лишь воленъ вести промышленныя предпріятія въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, выражающимся въ законодательствѣ и въ промышленныхъ союзахъ. Въ результатѣ этого нравственнаго воздѣйствія рабочій день сокращенъ, работа малолѣтнихъ подчинена ограниченіямъ, машины ограждены и рабочія помѣщенія очищены. Короче, конкурренція между гражданами перемѣщена, къ великой выгодѣ общества, на высшій уровень, и, такимъ образомъ, притязаніе предпринимателя дѣлать съ своимъ имуществомъ что ему угодно не выдерживаетъ критики. Нашъ союзъ выговариваетъ себѣ право на извѣстную нормальную или минимальную плату. И если примѣненіе машины упроститъ производство, то въ связи съ этимъ слѣдовало бы повысить плату рабочимъ рукамъ. Но мы убѣждены, что въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ будетъ достигнуто въ концѣ-концовъ рѣшеніе, согласное съ общественнымъ интересомъ и мы признаемъ мудрость изреченія лорда Дерби, что „величайшій изъ этихъ интересовъ — миръ“. (Ссылка у Nostiz, Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England, 263).

Такимъ образомъ развитіе соціалистическихъ идей и начала государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія не подлежатъ сомнѣнію даже въ Англіи. Въ Америкѣ соотвѣтствующія мѣропріятія проявляются пока лишь въ

ослабленной и зачаточной формѣ, но можно думать, что и тамъ дѣло пойдетъ приблизительно въ томъ же направленіи. Ограниченія относительно времени и условій рабочаго найма находятъ пока препятствіе въ положеніи конституціи федеральной, гарантирующей полную свободу договоровъ, но въ законодательствѣ отдѣльныхъ штатовъ тѣмъ не менѣе они проходятъ подъ флагомъ мѣръ, необходимыхъ съ точки зрѣнія санитарной полиціи или общественной безопасности: такъ мотивируются, напр., правила, регулирующія трудъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. О широкомъ примѣненіи промышленныхъ союзовъ и стачекъ нѣтъ надобности распространяться. Затѣмъ, съ двухъ сторонъ надвигаются формы воздѣйствія, которыя существенно отразятся на хозяйственной свободѣ. Колоссальный ростъ трѣстовъ, комбинацій капиталистовъ, направленныхъ къ захвату рынка и монополизаціи производствъ, становится настолько опаснымъ для потребителей, трѣсты оперируютъ такъ безжалостно и съ такою неразборчивостью относительно средствъ, что противъ нихъ начинается кампанія какъ въ федеральныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ штатахъ. Государственный контроль надъ желѣзными дорогами, надзоръ за предпріятіями, касающимися пользъ и нуждъ общества (public utilities), и тому подобныя мѣры переходятъ уже изъ области программъ и пожеланій въ сферу практическаго законодательства. Съ другой стороны, въ Америкѣ существуетъ сильное историческое теченіе въ сторону нравственнаго воздѣйствія политическихъ организацій на своихъ членовъ. Пуританскія общества въ колоніяхъ стремились не оградить личную свободу совѣсти или свободу труда, а содѣйствовать религіозному и нравственному совершенствованію своихъ членовъ, и эта этическая точка зрѣнія, противорѣчащая принципу laissez faire, перешла изъ Новой Англіи въ колонизованные заново западные штаты. Въ настоящее время она проявляется преимущественно въ ограниченіяхъ и запрещеніяхъ торговли крѣпкими напитками и табакомъ, но нѣтъ принципіальныхъ основаній, мѣшающихъ распространить ее на любое злоупотребленіе человѣческою свободою.

Все сказанное приводитъ къ убѣжденію, что начинающемуся XX-му вѣку предстоитъ великая работа по разрѣшенію соціальныхъ задачъ. Всякая задача по существу своему обставлена затрудненіями, и нельзя скрывать отъ себя, что въ данномъ случаѣ затрудненія особенно велики. Помимо того, что чрезвычайно трудно провести границу между законными проявленіями личной предпріимчивости и опасными ея послѣдствіями, помимо неизбѣжнаго пониженія личной иниціативы при развитіи общественной опеки, помимо печальной перспективы размноженія надзирателей и контрольныхъ учрежденій всякаго рода, самой трудной задачей представляется установленіе равновѣсія между правами и обязанностями гражданъ въ соціализированномъ государствѣ. Пока дѣло идетъ о требованіяхъ, предъявляемыхъ бѣдными къ обществу, легко возбудить интересъ къ задачамъ въ массахъ, еще легче возбудить въ нѣкоторой части этихъ массъ классовую зависть и хищническіе инстинкты. Но право на трудъ есть нѣчто иное, чѣмъ право на вознагражденіе за фиктивную или небрежную работу. Весьма нежелательно, чтобы при попыткахъ обобществленія производствъ повторилось въ большихъ размѣрахъ то, что случилось въ 1848 году въ Парижѣ при учрежденіи національныхъ мастерскихъ и что иногда наблюдается при всякаго рода импровизированныхъ общественныхъ работахъ—приливъ деморализированныхъ людей къ несерьезной работѣ. Фурье воображалъ, что въ его фаланстерахъ виды труда будутъ распредѣляться между членами согласно пристрастію и притяженію (attraction passionelle) различныхъ особей къ

различнымъ занятіямъ. Едва ли кто-либо смотритъ такъ оптимистично въ настоящее время. Но съ другой стороны, не будетъ толка, если промышленная работа станетъ разсматриваться какъ своего рода каторга, которую приходится отбывать, но желательно отбывать возможно короткое время на возможно льготныхъ условіяхъ. Какъ сложатся окончательно эти отношенія, если дѣло дойдетъ до обобществленія орудій производства, сказать трудно, но въ ближайшемъ будущемъ приходится считаться не столько съ этими крайними стремленіями соціализма, сколько съ менѣе радикальнымъ и рѣзкимъ преобразованіемъ строя, съ развитіемъ соціальнаго законодательства, проводимаго государствами, которыя не отказались ни отъ частной собственности, ни отъ принципа личной предпріимчивости.

Пока дѣло идетъ о соціальныхъ реформахъ внутри подобныхъ государствъ, расширеніе воздѣйствія послѣднихъ въ хозяйственныхъ вопросахъ принимаетъ видъ какъ бы страхованія противъ вредныхъ послѣдствій индивидуализма, главнымъ образомъ противъ невозможности для извѣстнаго числа гражданъ обезпечить себѣ минимальное благосостояніе. Общественное воспитаніе, общественное призрѣніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общественная опека призываются на помощь въ такихъ случаяхъ, и все дѣло въ томъ, чтобы помогать въ дѣйствительной нуждѣ, а не покровительствовать бездѣятельности и пассивности. Съ такой точки зрѣнія государственная опека стремится лишь гарантировать минимумъ, необходимый для существованія, и предохранять отъ крайнихъ и исключительныхъ послѣдствій личной безпомощности, а не подрѣзывать въ корнѣ мотивы личнаго обогащенія и матеріальнаго успѣха.

VI.

Въ заключеніе обзора общественнаго развитія въ XIX вѣкѣ необходимо вкратцѣ упомянуть о глубокомъ вліяніи, которое оказываетъ на его жизнь переворотъ въ культурной сферѣ. Основы религіознаго міросозерцанія, съ которымъ такъ или иначе была связана исторія европейской цивилизаціи въ теченіе болѣе полутора тысячъ лѣтъ, потрясены; христіанство, какъ господствующая религіозная система, разрушается и нельзя сказать, чтобы выяснились въ достаточной мѣрѣ положительныя черты какого-либо могущественнаго культурнаго строя, способнаго замѣнить прежній. Нѣкоторыя проявленія процесса религіознаго распаденія, совершавшагося въ XIX вѣкѣ достойны особеннаго вниманія. Едва ли не самой важной стороной его, съ точки зрѣнія соціальной исторіи, является замѣна провиденціализма детерминизмомъ, или, говоря иначе, замѣна вѣры въ непосредственное руководство дѣлъ человѣческихъ Провидѣніемъ вѣрою въ дѣйствіе естественныхъ и общественныхъ законовъ, „ихъ же не прейдеши“. Уже до наступленія XIX вѣка, въ XVI—XVIII, математики, астрономы, физики, Галилей, Кеплеръ, Декартъ, Монталамберъ и др. научили образованныхъ людей, что свѣтила, земля, физическія силы движутся и дѣйствуютъ не по случайнымъ мановеніямъ свыше, а по строго установленнымъ законамъ. Въ XIX вѣкѣ та же истина проникла въ сознаніе относительно органическаго міра, человѣческой личности и общества. Никто не думаетъ въ настоящее время, что растенія и животныя созданы въ готовыхъ, раздѣльныхъ видахъ на пользу и украшеніе міра, въ которомъ центромъ является человѣкъ. Теорія біологическаго трансформизма, открытія геологіи и палеонтологіи, раздвинувшія перспективу исторіи земли и ея обитателей на сотни тысячъ лѣтъ, и наблюденія физіологіи, углубившія изученіе душевныхъ процессовъ, нарожденіе сравнительнаго языковѣдѣнія, миѳологіи и обществовѣдѣнія,—вся эта неустанная научная

работа XIX вѣка привела къ необходимости кореннымъ образомъ пересмотрѣть традиціонные вѣроисповѣдные взгляды. Область непосредственнаго вмѣшательства и человѣкообразной дѣятельности Провидѣнія все суживалась. Борьба за существованіе, естественный подборъ, примѣненіе къ обстановкѣ становились на мѣсто легендарныхъ актовъ творчества и провиденціальнаго вмѣшательства. Въ примѣненіи къ самымъ религіознымъ формамъ научная критика не только разрушила наивную библейскую космогонію и раскрыла историческую подкладку повѣствованій Писанія, но передъ ней пали самыя понятія откровенія, таинства, матеріальнаго возмездія за гробомъ. Характеренъ, напр., оживленный споръ въ средѣ англиканской церкви о молитвахъ за усопшихъ: вѣроисповѣданіе, стоящее на рубежѣ между древнецерковнымъ и протестантскимъ пониманіемъ религіи, отказывается отъ этихъ молитвъ—не находитъ силы поддерживать человѣкообразное общеніе между живыми и мертвыми. Можно сказать, что для образованныхъ людей нашего времени вопросъ стоитъ уже не о силѣ молитвы за усопшихъ, а о силѣ и значеніи молитвы вообще. Поколѣнія за поколѣніями молились, чтобы испросить помощи въ своихъ дѣлахъ и избѣжать бѣдствій, а волны человѣческой судьбы приносили имъ со слѣпымъ безучастіемъ горе и радости, успѣхи и разочарованія. Честные, лучшіе изнемогали въ житейской борьбѣ, а скотоподобные, плотоядные торжествовали и безъ посрамленія проходили общей дорогой къ смерти. Люди знаютъ теперь, что горячая мольба матери не спасетъ жизни пораженному болѣзнью ребенку, что отличія праведника и мудреца не въ житейскомъ благосостояніи и торжествѣ. И какъ бы люди ни думали о смыслѣ міра, въ который помѣстила ихъ жизнь, вѣрятъ ли они въ его разумное происхожденіе и осмысленную цѣль, или смотрятъ на него какъ на сцѣпленіе непонятныхъ и нелѣпыхъ обстоятельствъ, они во всякомъ случаѣ отходятъ все далѣе отъ мысли, что можно испрашивать и ожидать внѣшней помощи отъ Провидѣнія—какъ отъ какого-то гиганта, протягивающаго руку, чтобы что-нибудь устроить или разстроить въ муравейникѣ человѣческихъ отношеній. Если въ мірѣ есть планъ и смыслъ, то заложены они не наповерхности и не могутъ быть опровергнуты криками страданія и ужаса, хоръ которыхъ звучитъ непрестанно съ тѣхъ поръ, какъ человѣческій родъ живетъ на землѣ. Идея Божества и Логоса—смысла міра должна проявляться не въ провиденціальномъ руководствѣ, а въ законномъ развитіи. Такой оборотъ не равносиленъ крушенію всякой религіи и не дѣлаетъ невозможнымъ молитву, но придаетъ той и другой новый смыслъ, несогласный съ ученіями архаическихъ вѣроисповѣданій. Не наше дѣло рѣшать, во что должны и могутъ вѣровать тѣ, кто отказывается допустить, что міръ и человѣкъ продукты безсмысленнаго сцѣпленія обстоятельствъ. Съ своей исторической точки зрѣнія мы видимъ одно и обязаны сказать о томъ, что видимъ: ни случайное вмѣшательство благого Помощника, ни педагогическая расправа съ добрыми и злыми, ни метафизическое самораскрытіе Божества въ мірѣ и исторіи не удовлетворили руководящихъ мыслителей XIX вѣка. Величія Божества приходится искать теперь въ незыблемости міровыхъ законовъ. Планъ историческаго процесса, насколько онъ выясненъ необычайнымъ ростомъ историческихъ знаній XIX вѣка, открывается лишь въ постепенномъ развитіи сознанія и совѣсти. Какъ ни слабы люди, какъ ни жалки въ своей борьбѣ съ свирѣпыми стихіями, въ рукахъ у нихъ свѣточъ, который ставитъ ихъ въ особое положеніе сравнительно со всѣми окружающими предметами и тварями. Свѣточъ этотъ—разумное со-

знаніе и, соединяя свѣтъ различныхъ источниковъ, сравнивая свои наблюденія, углубляя знанія, обращая ихъ въ нравственныя силы, люди достигаютъ того, что съ каждымъ вѣкомъ лучше оцѣниваютъ окружающую дѣйствительность и свои отношенія къ ней и къ другъ другу. Это не спасаетъ ихъ въ концѣ-концовъ ни отъ смерти ни отъ порока, ни отъ страданія физическаго и нравственнаго, но свѣтъ коллективнаго сознанія создаетъ какъ бы центръ, къ которому все стремится и съ которымъ все связано въ человѣческой дѣятельности—и господство надъ природой, и благоустройство законовъ и государства, и, главное, признаніе долга и справедливости. Освѣщенный кругъ, въ которомъ движется человѣческая культура, невеликъ и мерцаетъ неровнымъ свѣтомъ, но вокругъ него темнота, и вся надежда человѣчества въ слѣдованіи по озаряемому имъ пути.

